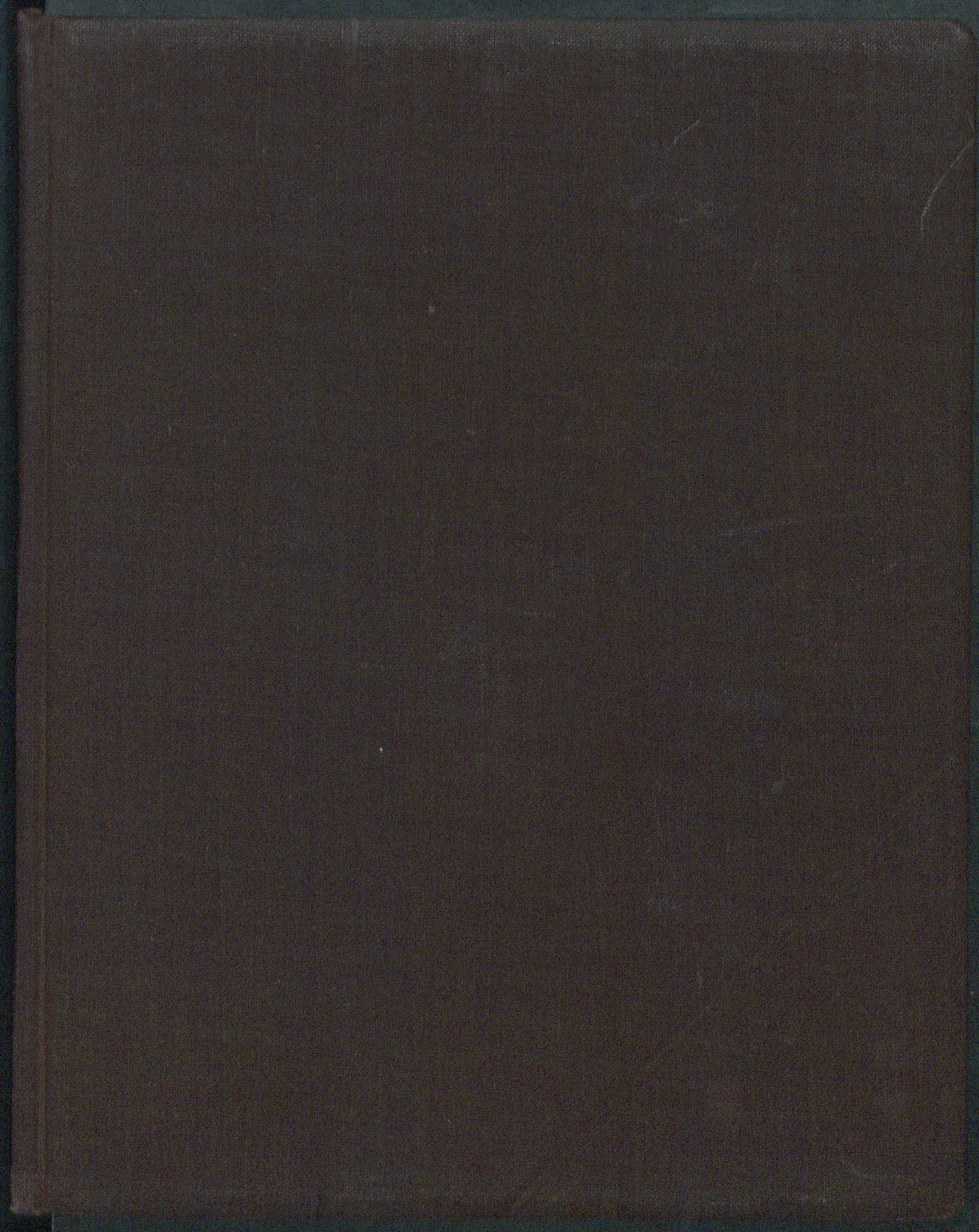
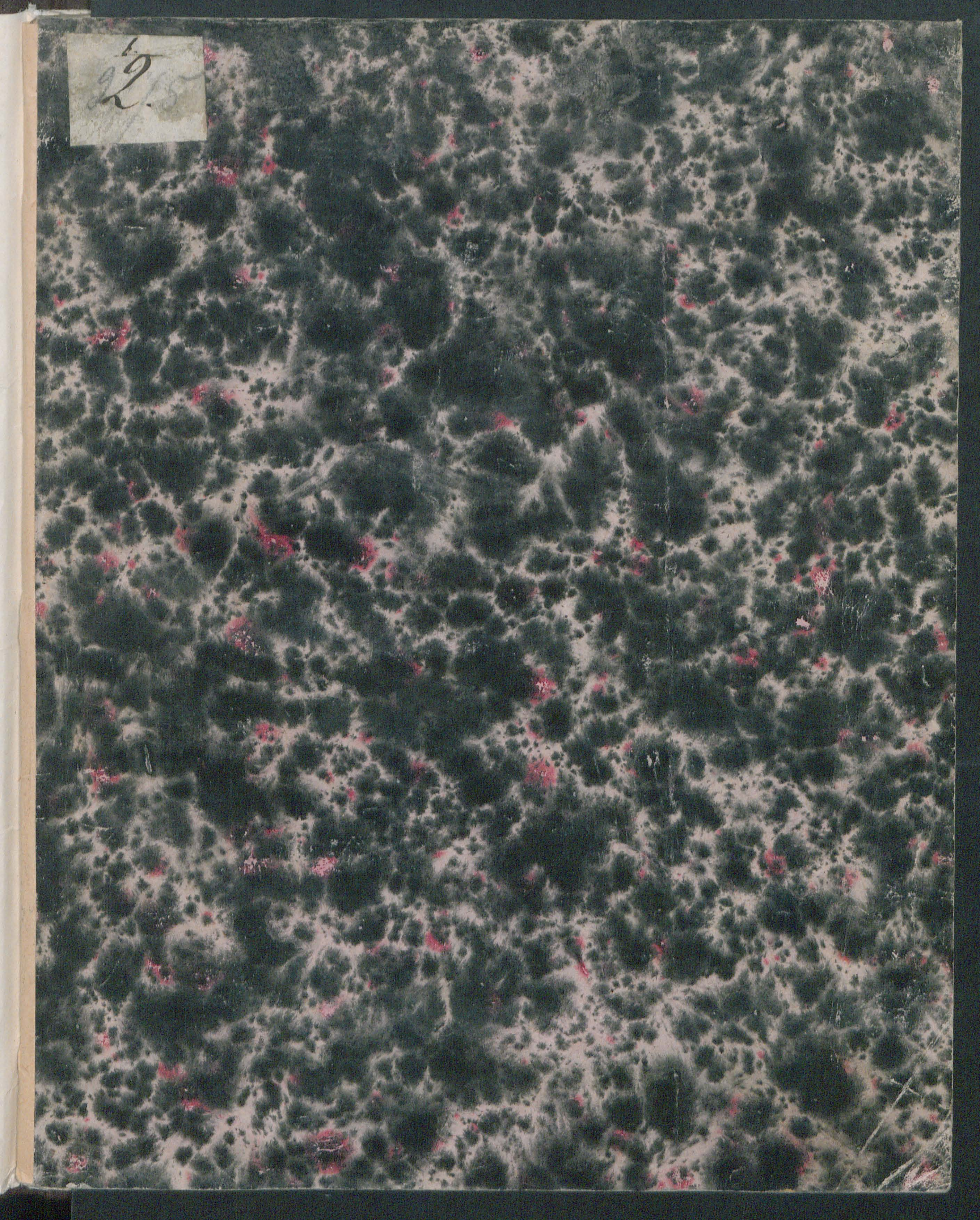
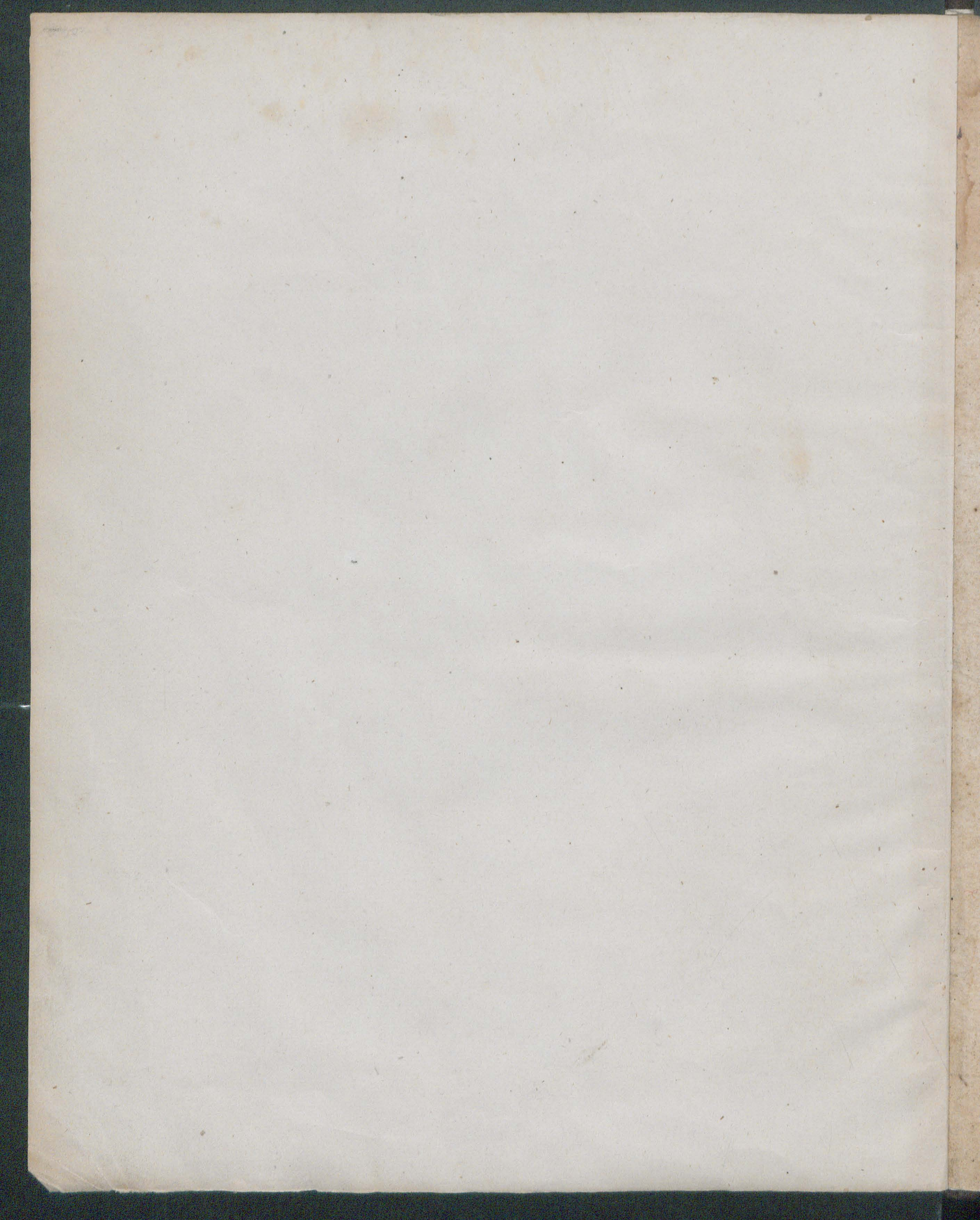

РѢЧЬ
О
ДОСТОИНСТВѢ И ПОЛЬЗѢ
КАТИХИЗИСА,

которую

предъ начатіемъ послѣ ваканціи ученія

въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ

говорилъ

онагожъ университета
катихизаторъ

московскаго архангельскаго
собора

священникъ Петръ Алексіевъ.

Августа 17. дня
1759. года.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ.

Оригиналъ подписанъ рукою Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Члена, Преосвященнаго Тїмоѳея Митрополита Московскаго и Сѣвскаго,

такимъ образомъ:

Сїя рѣчь изрядно и благоразсудно сочиненная достойна честную имѣти похвалу 1759. года, Ноября 26. дня.

Смиренный Тимоѳей М. М.

При вступленіи моемъ въ порученную отъ Его Высокопревосходительства прозорливаго Куратора катихизаторскую должность, *почтенные слушатели*, принялъ я намѣреніе изъяснить знатному сему обществу несравненное Катихизическаго ученія достоинство, и преимущество предъ прочими, которые путь показываютъ къ временному благополучію человѣческому, науками, при томъ несказанную пользу, какову оное приноситъ въ разсужденіи не только кратчайшей жизни нашей, но и конца неимущей блаженной вѣчности. Что касается до перваго, оно не требуетъ многихъ доказательствъ. Понеже всякое прилѣжаніемъ человѣческимъ пріобрѣтаемое ученіе, не инымъ чемъ знатной титулъ заслужить можетъ, какъ своимъ объектомъ или предмѣтомъ, въ которомъ оно особливое имѣетъ упражненіе. На примѣръ Астрономія о свѣтилахъ небесныхъ, и ихъ теченіи чрезъ свои правильныя примѣчанія подаетъ намъ знаніе. Медицинская наука тѣло человѣческое многимъ поврежденіямъ и безчисленнымъ болѣзнемъ подлежащее, подъ собственное свое пріемлетъ смотреніе. Физика о существахъ и свойствахъ всѣхъ тѣлесныхъ вещей разсуждаетъ. Несравнительно превосходнымъ образомъ думать надлежитъ о ученіи христіанскаго благочестія, котораго

главный объектъ самъ преблагїй и превеликїй богъ нашъ на всевышнемъ неприступнаго свѣта тронѣ пребывающїй, сколько силы человѣческїе преестественною благодатїю подкрѣпленные вмѣстить могутъ, предлежитъ знанїю нашему. Не погрѣшитъ отъ истинны, есть ли кто сїе презнатное ученїе восхощетъ сравнить съ чистѣйшимъ источникомъ въ богонасажденномъ Едемскомъ раю протекающимъ, и лице всея землї плодотворными водами напаяющимъ. Ибо и сїя паче меда сладчайшая спасительныя премудрости вода, пространныя церковныя поля орошаетъ: иссохшїя зноемъ искушенїй человѣческїя сердца прохлаждаетъ, духовную всѣхъ жажду утоляетъ, а особливо умы младыхъ дѣтей влагою благочестїя изобильно напаяетъ, дабы сїи новосажденїя масличная окрестъ трапезы Господни благовременно возрастали въ надеждѣ приношенїя многоразличныхъ церкви превожделенныхъ, и отечеству преполезныхъ плодовъ. При томъ какъ помянутой источникъ райскїй раздѣлялся въ четыре начала, то есть на четыре прїятнаго вида и вкуса рѣки: тожъ самое приличествуетъ сему таинственному источнику на четыре части раздѣленному. Первая отъ него происходитъ душепитательная рѣка Фисонъ, то есть благочестивое разсужденїе о истинной вѣрѣ, и превосходящихъ смыслъ человѣческїй догматахъ вѣры, въ дванадесяти Сѵмвола членахъ заключенныхъ. Вторая рѣка мысленный Геонъ, которая руководствуетъ къ христїанской надеждѣ, къ точному понятїю собственной господней молитвы, и о всемъ томъ, что надлежитъ до непостыдной надежды, имѣетъ разглагольствїе. Третїя златоструйный Евфратъ, въ которомъ находимъ безцѣнное сокровище, то

есть,

естъ, познаемъ совершенную любовь, и о десяти заповѣдехъ рукою Всевышшаго божества ко исправленію естественнаго закона преданныхъ, подъ именемъ любви состоящихъ христіански разсуждаемъ. Четвертая рѣка таинственный Тигръ, коя кромѣ изъясненія седьми таинъ церковныхъ, поучаетъ о исполненіи богоугодныхъ добродѣтелей, и омерзеніи душевредныхъ беззаконій. И такъ сія сокращенная богословія аки Царица наукъ въ разсужденіи своихъ высокихъ трактатовъ безпрекословно первое имѣетъ мѣсто между прочіими ученіями, грубость ума человѣческаго нѣсколько просвѣщающими, какъ говоритъ божественный Апостолъ: *тѣлесное обученіе вмалѣ естъ полезно, а благочестіе на все полезно естъ, обѣтованіе имущее живота нынѣшняго и грядущаго.* Сверьхъ сего, естъ ли желаемъ совершенно познать изливаемую на насъ пользу отъ Катихисиса, приведемъ на памятъ гнуснымъ идолонеистовствомъ зараженную древностъ. Представимъ себѣ весь родъ человѣческій прежде въ непросвѣтимой безумнаго многобожія тмѣ пребывающій; коль жалостное откроется намъ видѣніе, коль плачевное тѣхъ людей состояніе! Разумомъ одаренный человѣкъ внутреннее отдаетъ благоговѣинство нечувственному металлу, или камню, или дереву: по образу божію созданная тварь возноситъ благовонный Ѳиміамъ и боголѣпное моленіе предъ олтаремъ здѣланнаго своими руками болвана: приклоняетъ колѣна уничиженно, и воздвизаетъ руки съ усерднымъ воздыханіемъ къ небесному свѣтилу въ службу его сотворенному: божественный титулъ приписываетъ разнымъ животнымъ безсловеснымъ, или еще безумнѣе травамъ въ садахъ растущимъ. Во всемъ томъ

)(3 древностъ

древность должна безъ отрицанія признаться, не выключая и тѣхъ ученыхъ людей, которые первыми въ свѣтѣ мудрецами, и знатныхъ наукъ изобрѣтательми почиталися. Когдажъ збылося на нихъ богогласнаго Ісаіи пророчество? *людіе ходящіи во тьмѣ видѣша свѣтъ веліи*: Когда миновала та преужасная богоневѣденія нощь? Тогда, когда открылся свѣтлосіянный благодати божественныя день. То есть, когда немерцающее солнце правды Христосъ посредствомъ спасительнаго ученія извелъ человѣческій родъ изъ мрачной многобожія тьмы въ превожделѣнный свѣтъ истиннаго богопознанія. Которой и до насъ чрезъ Катихизическое ученіе простирается. Ибо, что несумнѣнно вѣруемъ трисолнечное божество, то есть едино существо божіе въ трехъ лицахъ почитаемое, сего природному разуму безъ откровенія священнаго писанія, и помощи катихизиса никакъ постигнуть не можно: что въ начальникѣ спасенія нашего Христѣ Господѣ благочестно исповѣдуемъ два естества, то есть божеское и человѣческое неразрѣшимымъ союзомъ въ одномъ лицѣ сопряженныя, до сего и самый высокопарный смыслъ человѣческій безъ руководства христіанскаго ученія дойти не въ состояніи: что въ поклоняемомъ таинствѣ священныя Еvхаристіи хлѣбъ и вино, особеннымъ божіимъ дѣйствомъ претворяется въ пресвятое тѣло, и пречестную кровь пострадавшаго за міръ Спасителя, сіе такъ далеко, какъ небо отъ земли, отстоитъ отъ границъ ума нашего: тожъ должно сказать и о другихъ высочайшихъ христіанскихъ догматахъ, которые природнаго разума яко дерзновеннаго испытателя къ себѣ недопускаютъ; и чемъ больше бы кто постигнуть оные старался остро-

тою

тою своего смысла, тѣмъ большее навелъ бы на себя помраченіе. По примѣру Философа Сvмонида, у котораго нѣкогда спросилъ Гіеронъ Царь Сицилійскій, что такое есть богъ? Онъ принужденъ попросить на разсужденіе цѣлаго дня, а какъ Царь черезъ день спрашивалъ его о томъ же, мудрецъ просилъ отложить срокъ на два дни, и какъ много разъ отсрочивалъ на предложенной вопросъ отвѣтствіе, привелъ Царя въ удивленіе. Напослѣдокъ спрашиваетъ его Гіеронъ; для чего такъ долго мѣдлишъ отвѣтомъ; на что Сvмонидъ отвѣчалъ: что болѣе я стараюсь смысломъ постигнуть существо божіе, то болѣе непонятно мнѣ является. Самая правда: человѣкъ сколько ни былъ бы остроуменъ, сколько ни былъ бы искусенъ въ внѣшнихъ наукахъ; однако со всѣмъ тѣмъ не имѣетъ дѣйствительнаго способа къ постиженію такой высокой вещи, каковъ есть неописанный богъ съ неизреченными своими свойствами, естьли природное свое остроуміе не приведетъ въ послушаніе вѣры Христовы, по совѣту языковъ учителя, и слѣпотствующій въ духовныхъ вещахъ разумъ непросвѣтитъ довольнымъ христіанскаго благочестія ученіемъ.

Отсюду примѣчается коль несказанную получаемъ пользу отъ сея богословскія науки, которая правильными своими разсужденіями возводитъ насъ на высоту вещей, превосходящихъ границы ума не только человѣческаго, но и Ангельскаго: она тому насъ научаетъ, чему святѣйшіи духи всегда лицезрѣніемъ божіимъ наслаждающіися желаютъ отъ насъ научиться. Какъ говоритъ Апостолъ: она прямой путь показываетъ къ достиженію того послѣдняго конца, на которой мы отъ Всемогущаго Творца на-

шего въ свѣтъ сей произведены: она отверзаетъ завѣсу писмене, и ясно представляетъ намъ уготованную блаженную вѣчность. Кратко сказать: что въ священномъ писанїи нужное, что въ пространной богословїи особливаго примѣчанїя достойное, что въ многочисленныхъ святыхъ отцевъ комментарїяхъ душеполезное обрѣтается, все сїя наука объемлетъ и преподаетъ сокращенно, снисходя при томъ различному слушателей понятїю. А понеже противная при противныхъ лучше распознаваема бываютъ; то несравнително больше окажется польза отъ сего священнаго ученїя происходящая, есть ли учинить сравненїе знающему свой законъ христїанину съ невѣждою. Какая разность между сими двумя животными словесными, мысленнымъ нашимъ очамъ представится! Оба они почтены образомъ са́маго бога, оба при томъ имя христїанское на себѣ носятъ, но съ какимъ различїемъ: одинъ благочестивою наукою изъ млада умъ свой просвѣтивши, и основателно въ Христїанскомъ законѣ утвердившися, чрезъ всю жизнь непоколебимъ въ томъ пребываетъ. И какъ на безопасномъ брегу стоя̀ страшныхъ ересей во̀лны спокойно разсматривая, ни которою съ твердаго мѣста своего подвиженъ быть не можетъ. При томъ не сумнѣнно вѣруя, что есть богъ, которой при безчисленныхъ своихъ превосходныхъ сво́йствахъ необходимо правосуденъ, то есть добродѣтели любитъ и награждаетъ, а злое ненавидитъ и вѣчнымъ казнитъ мученїемъ. Для того онъ съ помощїю благодати божїей всѣми силами старается то дѣлать, что пресвятой воли Всевышшаго Творца угодно, а что правосудному божеству противно, отъ того удаляется. Есть ли же по слабости человѣческой нечаянно

чаянно и впадетъ въ какую нибудь погрѣшность, тотчасъ внутренной нелицемѣрной судья, то есть совѣсть позоветъ его на приватной свой трибуналъ, обличитъ его и приведетъ къ чувствительному признанїю, къ сердечному сокрушенїю и раскаянїю, отъ чего слѣдуетъ дѣйствительное жизни его исправленїе.

Напротивъ того нѣжное матушкино дитя, котораго до пятнатцати лѣтъ родители только что поголовкѣ гладятъ, въ безстрашїи и не пристойныхъ шалостяхъ отрочество препроводивши, и ни отъ кого не слыхавши основательнаго о богѣ и его премудромъ промыслѣ наставленїя, мало помалу съ лѣтами въ богоневѣжествѣ своемъ возрастаетъ. И какъ трость вѣтромъ легкомыслїя колеблемая, не имѣетъ въ томъ законѣ, въ которомъ онъ рожденъ, надлежащаго постоянства; но кто бы ему ни попался въ стрѣчу, Ересїархъ ли Лютеръ, или отщепенецъ Калвинъ, слѣпой ли натуралистъ, или лжеполитикъ Махїавеллїй: онъ охотно ко всякому изъ нихъ пристать не отречется. И такъ совратившися съ прямой дороги, ведущей въ животъ вѣчный, аки въ густомъ лѣсу съ завязанными глазами странствуя по непроходимымъ стезямъ ложныхъ мнѣнїй, или зайдетъ въ пустлявый опаснаго сумнителства Лабиринтъ, или стремглавъ впадетъ въ душепагубную страшнаго безбожїя пропасть, гдѣ ни бога, ни совѣсти, ни честности, ни вѣчности отнюдъ не видно. Но что всего жалостнѣе! нѣкоторые будучи уже въ такомъ отчаянномъ состоянїи, не признаются бѣдные, а думаютъ о себѣ, что онѣ всю знаютъ. О Догматахъ ли Христїанскихъ зашла рѣчь, они не зная ни силы, ни писанїя,

 первые

первые безстыдным образом вызовутся знатоки откровенной богословіи; разсуждают и разглаголствуют о всем так как им хочется; высокія таинства от Христа Спасителя уставленныя и православной церкви во освященіе преданныя, о которых и сами довольно ученые богословы говорят с благоговѣинством, сіи сумозбродные буесловы дерзновенно толкуют по своему легкомыслію: и будучи надмѣны высокомѣрностію своего разума и любопытством, входят в непристойные и недозволенные тонкости. Чтож касается до злонравія и развращеннаго житія их, тому и дивиться нечему. Первое для того, что всѣ человѣки грѣховным прародителей поврежденіем стали быть склонны к злу, по свидѣтельству писанія: *все помышленіе сердца человѣческаго на зло от юности его*; то, есть ли человѣк страху божію, которой есть начало истинной премудрости, ненаучится в отрочествѣ, есть ли не получит добраго воспитанія из дѣтска ко исправленію врожденной его злости, не льзя ему небыть злым, когда и родился зол. При том ежели к сему природному злу небреженіем родительским присовокупится повседневное худое обыкновеніе и привычка, которая есть другая природа, по разсужденію мудрых людей, всеконечно час от часу больше усилится в необученом мальчикѣ, и с таким он безобразным горбом во всю жизнь пребудет не исправен. Понеже как глиненой сосуд чем снова напаяется, того запаху никогда вывесть из него не можно: так нравы человѣческія, каковы в отрочествѣ посѣяны будут, худы ли или добры, таковы обыкновенно и в старости примѣчаются.

Сверьх

Сверьхъ сего есть ли отрокъ по нещастїю своему вступитъ въ худое сообщество: спознается со злонравными товарищами, безсумнительно, что врожденное его зло утвердится худыми примѣрами злыхъ собесѣдниковъ, и нечувствительно отъ нихъ навыкнетъ незлобивый младенецъ такимъ страшнымъ беззаконїямъ, которые можетъ быть самому ему никогда бы и на умъ не пришли. Подтверждаетъ сїю истинну премудрый сынъ Сїраховъ слѣдующимъ подобїемъ, *касаяйся*, говоритъ, *смолѣ очернится, и общаяйся беззаконнику, точенъ ему будетъ.* По чему долгъ лежитъ на красящихся благочестїемъ родителяхъ для предосторожности чадъ своихъ отъ неблагополучныхъ воспослѣдованїй, прежде всего вкоренятъ въ нѣжные дѣцкїе умы то ученїе, которое показываетъ имъ какъ въ Бога вѣрить твердо, любить его вседушно, почитать усердно, и угодное воли его святой творить, съ надеждою получить отъ него вѣчное награжденїе. При томъ отцамъ и имѣющимъ на себѣ чинъ или званїе отеческое въ дѣтскомъ воспитанїи осторожнѣе стоглазнаго Аргоса должно наблюдать, чтобъ непорочные тѣ души не имѣли съ негодными подругами компанїи, и береглись бы ихъ душевредныхъ словъ не меньже какъ смертоноснаго яда.

Но сожалѣнїя достойно, что нѣкоторые изъ числа христоименитыхъ родителей со всѣмъ запамятовавши долгъ отеческой, знатное сокровище, то есть дѣтей своихъ, или оставляютъ подъ спудомъ крайняго невѣжества, до бороды жить въ деревнѣ и числиться недорослями. Отъ чего не способны они бываютъ почти ни къ какой въ пользу отечества службѣ. А иные съ

излишествомъ будучи заботливы, хотя стараются о научени сыновнемъ, но безпорядочно. Ибо вся сила ихъ старанія въ томъ единственно состоитъ, чтобъ какъ нибудь поскорѣе дѣти выучилися иностранному языку, хотя они не исправно еще говорятъ по руски. И для того сіи умники больше ни чего отъ дѣтей своихъ не требуютъ, какъ только, чтобъ они по примѣру попугаевъ или сорокъ лѣпетали по Французски. А обученіе православнаго закона, которое есть главное для дѣтей христіанскихъ, а особливо для благородныхъ, откладыкаютъ до Греческихъ календовъ. Чрезъ сіе я не уничижаю похвальное иностраннымъ языкамъ обученіе, которое самъ языковъ учитель божественный Павелъ въ число знатныхъ отъ бога ниспосылаемыхъ дарованій полагаетъ. Но хочу наружу вывести безразсудное родительское желаніе, кое по большой части иногда къ тому клонится, чтобъ дѣтей на предь свѣту показать природными Французами, нежели благочестивыми Христіанами. Тѣмъ начинаютъ ученіемъ, для котораго и другое впредь моглобъ сыскаться время, какъ то Катону, прозваніемъ большому не помѣшали, и сѣдинами украшенныя лѣта совершенно выучиться по Гречески. А ту самую нужную въ Христіанствѣ науку оставляютъ до неизвѣстнаго времени, къ которой изученію нѣтъ въ жизни способнѣе златыхъ часовъ дѣтскаго возраста. И такъ первое дѣло ставятъ послѣднимъ, а послѣднее первымъ. По примѣру того неискуснаго живописца, которой вознамѣрившися изобразить на картинѣ, стоячаго человѣка, началъ малевать его съ низу, и написавши напредь ноги, а потомъ и станъ человѣческаго тѣла по шею, занялъ всю картину, такъ что негдѣ уже стало

головы

головы умѣстить. Какой это чудной маляръ! Не лучше ли бы ему начать съ головы, то хотя бы и не могъ онъ изобразить ногъ за малостію картины; однако со всѣмъ тѣмъ портретъ не потерялъ бы своей доброты. Равной непорядокъ усматривается въ родителяхъ, кои мирское ученіе Катихизическому предпочитаютъ. Не доволно того, иные можетъ быть за излишнее и дворянству со всѣмъ не надобное дѣло вмѣняютъ, дѣтей своихъ изъ млада обучать Христіанскому закону, будто бы знать истиннаго бога, въ чемъ по христову слову состоитъ животъ вѣчный, не до всѣхъ, но только до духовныхъ персонъ касалося. Въ семъ пунктѣ, съ позволенія сказать, гораздо умнѣе и разсудительнѣе ихъ были нѣкоторые изъ числа невѣрныхъ язычниковъ, которые не получа преестественнаго откровенія, руководствомъ одного природнаго разума къ почитанію нѣкоего невѣдомаго бога доходили. Для того за главную въ дѣтскомъ воспитаніи должность почитали, чтобъ въ младенство вкоренять благоговѣйные мысли о божествѣ и богослуженіи. Можно сіе видѣть въ древней исторіи, а особливо въ Ксенофонтѣ, которой исправно и обстоятельно описывая жизнь славнаго Персидскаго Царя Кира, объявляетъ, что Камбизесъ отецъ его повелѣваетъ сему молодому Принцу больше всего, и прежде всего имѣть крайнее къ богамъ почтеніе, и не начинать ни какого дѣла, не призвавъ ихъ прежде въ помощь, понеже божество однимъ взоромъ объемлетъ всѣ вѣки, то есть созершенно знаетъ не только прошедшее и настоящее, но и будущее. Тожъ самое примѣчается въ краснорѣчивомъ и разумномъ наставленіи, которое Цицеронъ знатнымъ будучи въ Римѣ Консуломъ, предписалъ сыну

своему вмѣсто генеральнаго правила для его жизни и честныхъ поступокъ. Видимы и въ другихъ многочисленныхъ отъ древнихъ Философовъ и стихотворцевъ изданныхъ письмахъ слѣды нѣкотораго, хотя не яснаго и многими лжами помраченнаго богочестїя, отъ отцевъ дѣтемъ преданнаго, собственными родительскими примѣрами подтвержденнаго, напослѣдокъ и духовными тестаментами предъ будущимъ родомъ завѣщаннаго.

Когда же истиннаго бога не знающїе люди врожденною набожности искрою воспламеняемы къ усердному лживыхъ боговъ почтенїю, не только не стыдилися, но за честь себѣ ставили потомковъ своихъ наставлять отеческимъ преданїямъ, то какой уже остался отвѣтъ православнымъ Христїаномъ, естъ ли ихъ небреженїе виновно будетъ дѣтскому невѣжеству въ истинномъ спасительномъ законѣ. Нѣтъ ни какого извиненїя, а особливо, смѣю сказать, сынамъ Россїйскимъ при благословенной державѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА безпримѣрнымъ благочестїемъ въ свѣтѣ сїяющїя Монархини, на ЕЯ же несказанное высокоматернее попеченїе о просвѣщенїи своего народа полезными науками, паче же о распространенїи въ пространной сей Имперїи чистаго Евангельскаго ученїя, и искорененїи всѣхъ несогласныхъ съ православною церковїю еретическихъ и раскольническихъ мнѣнїй, окрестные страны со благоговѣнїемъ взирая удивляются. Не довольно того, въ нѣкоторой восторгъ приходятъ, когда съ нынѣшнимъ цвѣтущимъ Россїи состоянїемъ сносятъ прежнихъ лѣтъ исторїю. Непрїятное то къ воспоминанїю время! Въ которое полезныя отечеству науки

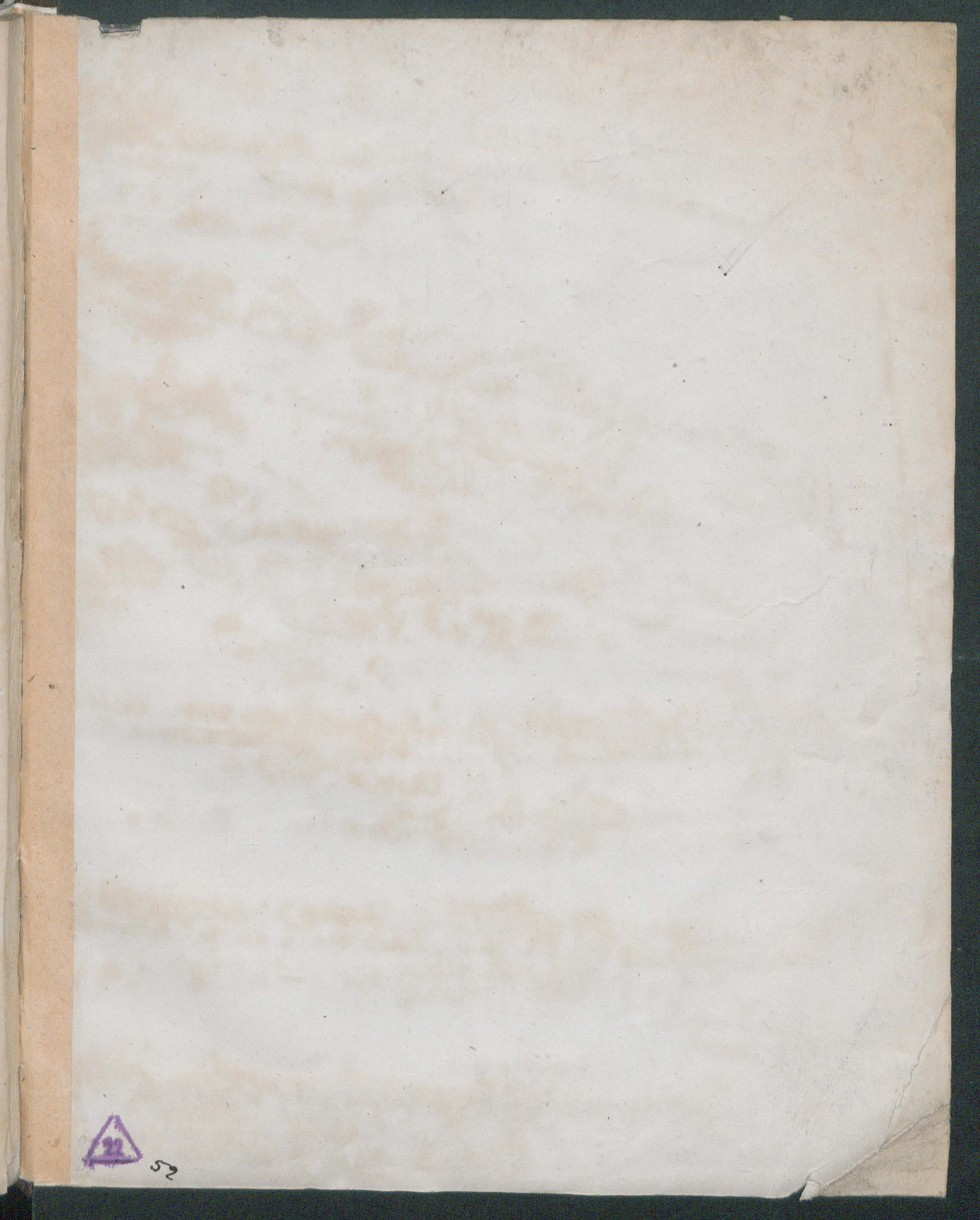
за гра-

за границами Россійскими странствовали. Время, въ которое искусной Математикъ причтенъ бывалъ за опаснаго волшебника. Время, въ которое большая часть людей такою грубою помрачена была слѣпотою, что или со всѣмъ не навидѣли свѣта ученія, просвѣщающаго души и умы человѣческія, или оставя чистой священнаго писанія источникъ, охотно черпали мутную лжеученія воду изъ различныхъ кладезей раскольническихъ вымысловъ, и нескладныхъ тетрадей. Откуда ведутъ свое начало богоненавистные глупыхъ людей сонмы, самопроизвольно бѣгущихъ отъ свѣта во тьму, то есть подъ видомъ спасенія оставляющихъ свѣтомъ благочестія сіяющіе грады, и удаляющихся въ темные брынскіе лѣса, и другіе дикіе и непроходимые мѣста. До того дошло, что къ прогнанію толь густой и паче Египетской вредительнѣйшей тьмы невѣжества не оставалося уже и надежды. Но Всевышшій Творецъ послалъ въ Россію Ангела своего: возставилъ Всероссійскаго Просвѣтителя, то есть не увядаемыя славы достойнаго Государя ИМПЕРАТОРА ПЕТРА Великаго, который, по чрезвычайной отъ бога ему дарованной премудрости усмотря въ своихъ подданныхъ недостатокъ прямаго ученія, и отъ того умножающіяся кривыя святаго писанія толки: вредительныя церкви святой расколы, и отъ спасительнаго пути далеко отводящія суевѣрія: яко отецъ отечества не оставилъ безъ совершеннаго исправленія. Вопервыхъ щедрою рукою ввелъ внутрь Россіи различныя къ славѣ и пользѣ отечества служащія науки, назначивъ имъ по достоинству жилища. Учредилъ по всѣмъ Епархіямъ Семинаріи, чтобъ со временемъ оттуда могли произойти утверждающіи благочестіе проповѣдники. Повелѣлъ исправлять

не ясно

не ясно переведенныя завѣта божїя книги: вновь переводить древнихъ святыхъ отцевъ писанїя: и сочинять катихизическїя или нравоучительныя для простаго народа наставленїя. Сїи толь высокїя премудраго Государя намѣренїя особеннымъ благословенїемъ божїимъ не только приведены къ желаемымъ успѣхамъ при жизни Его Величества; но и по преселенїи Его къ блаженной вѣчности пребываютъ не нарушимы, и приходятъ часъ отъ часу къ бóльшему совершенству. Что кромѣ безчисленныхъ примѣровъ ясно всему свѣту доказываетъ сей знаменитый домъ изъ высочайшей милости ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОСТОЙНОЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДЩЕРИ, въ жилище Московскимъ музамъ пожалованный, а для порядочнаго честныхъ наукъ теченїя и въ нихъ прилѣжно упражняющихся надежнѣйшаго ободрѣнїя прозорливому и благоразумному Куратору порученный, котораго въ томъ единомъ состоитъ удовольствїе, *почтенные слышатели*, чтобъ каждой изъ насъ чувствуя Высокомонаршїе обильно изливаемые щедроты и Всемилостивѣйшее ученыхъ людей покровенїе, должность свою усердно наблюдать старался, съ надеждою за прилѣжные труды полученїя впредь вящшаго отъ ВСЕЩЕДРОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ милосердїя, предстательствомъ Егожъ Высокопревосходительства.

22
52

